

Landmines Bill 1998 to the British House of Commons. Robin Cook

Рустем Вахитов, кандидат философских наук, Уфа

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ОРУДИЕ **БУРЖУАЗИИ**

БЫВАЕТ И ДРУГОЕ ОБЩЕСТВО, ГДЕ ВЛАСТВУЮТ НЕ ТЕ, КТО ИЗЛОВЧИЛСЯ
ЗАИМЕТЬ БОЛЬШЕ ДЕНЕГ, А ТЕ, КТО СЛУЖАТ ОБЩЕСТВУ...

В 1990-е годы, когда в России шла ожесточенная борьба между сторонниками советской цивилизации, объединившимися в единой народный левопатриотический лагерь и между сторонниками капиталистического западного эксперимента, называвшимися либералами или демократами, никому из стана левопатриотической оппозиции не нужно долго объяснять: в чем состоит вред либеральной демократии. Все было понятно и без философских аргументов и пространств экскурсов в историю – достаточно было взглянуть на то, что сделали либералы с нашей совсем еще недавно великой и могучей страной – с ее армией, промышленностью, системой социального обеспечения.

1. Но время не стоит на месте, а свержение компрадорского капитализма оказалось не столь быстрым делом, как нам казалось в трагичные, но и героические 90-е. В стан левых патриотов пришли уже представители нового молодого поколения – юноши и девушки, которые родились в годы перестройки, а то и на заре ельцинщины. Советская цивилизация для них уже пусть и прекрасная, манящая, но история, о которой они знают не по своему жизненному опыту, а по книгам и рассказам старших и зачастую питают о ней идеализированные фантастические представления.

Разгоревшаяся в 1990-е борьба коммунистов и консерваторов («красно-коричневых», как ненавидяще нас называли тогда либералы) и либералов и национал-сепаратистов («предателей Родины» как их называли мы) для них тоже – история.

А настоящее – сегодняшняя эпоха Путина, мягкий авторитаризм, прикрывающийся парламентской бутафорией. Будучи возмущенными тем, что творится в стране, наши левые патриоты сплошь и рядом обнаруживают, что их голос звучит в унисон с голосами либералов-западников - наследников Гайдара и Ельцина, которые, к своему удивлению, также оказались в оппозиции, хотя казалось бы ничто не сначала не предвещало этого – ведь Путин пришел к власти как преемник Ельцина и клялся, что во всем до мелочей продолжит его дело.

Так и получилось, что на разных демонстрациях белоленточников мелькают и красные флаги. Но было бы еще полбеды, если бы молодые левые патриоты выступали совместно с либералами, однако они перенимают и их лозунги, по крайней мере в плане политической программы и тоже требуют от режима Путина свободы слова, собраний, «честных выборов», «настоящего парламента» и «настоящей демократии».

Слово «демократия», подразумевающее именно демократию западного типа, которое в устах их старших товарищей было и остается ругательством, у наших молодых левых патриотов снова обретает популярность. К сожалению, они не понимают, что демократия западного типа, или парламентская либеральная демократия – это не универсальная социальная машина, которая может быть обращена против народа, а может и служить народной пользе. Отнюдь! Эта демократия была есть и будет орудием, при помощи которого буржуазия реализует свои интересы. Для этого она и создана и предназначена, и использовать ее для каких-либо других целей невозможно, как невозможно использовать холодильник для разогревания и приготовления пищи. Нужно осознать это и сделать отсюда правильные выводы.

2. Идеологи либеральной демократии любят поговорить о том, что истоки ее уходят в древнюю Грецию. На самом деле западная либеральная демократия не имеет ничего общего кроме названия с греческой полисной демократией, которая строилась на совершенно иных принципах, была прямым самоуправлением сравнительно небольших сообществ и если оставить в стороне рабовладение, скорее напоминала демократию общинную, известную нам по крестьянским сходкам в русских деревнях.

Попытки удлинить генеалогию либеральной демократии за счет экскурсов в историю древней Греции сродни рассуждениям националистов, удлиняющих историю своего народа за счет истории древних ариев, этрусков или легендарных гиперборейцев. Либеральная демократия – это именно буржуазная демократия и рождается она – первоначально как идея - вместе с выходом на политическую сцену класса буржуазии – богатых торговцев, ростовщиков и банкиров, владельцев мануфактур и промышленных производств.

Произошло это в Западной Европе в XVI-XVII веках, когда буржуазия стала крепнуть, организовываться как политический класс и выражать возмущение тем, что она, владеющая значительными капиталами, лишена политических прав и вынуждена пресмыкаться перед аристократией, которая в обществах средневекового типа обладала властью, как говорится, по праву происхождения.

Буржуазии была выгодна свобода слова – чтоб провозглашать ее, буржуазии, интересы, свобода собраний и партий – чтоб продвигать ее, буржуазии, интересы, равенство всех перед законом независимо от происхождения, чтоб сокрушить ее, буржуазии, врага - аристократию, и наконец, парламентская форма правления – чтоб ее, буржуазии, желания обрели вид государственных законов.

При этом я не утверждаю, что философы-просветители, сформулировавшие эти идеи, прямо реализовывали социальный заказ класса буржуазии; многие из них были чистыми мыслителями и следовали тропами теоретического разума, но их мысли оказались созвучными желаниям могущественного класса и – были воплощены в жизнь. Там где смогла, буржуазия полностью отстранила аристократию от власти, как во Франции, а там где не смогла – ограничила ее власть, как в Англии.

Однако кроме аристократии и буржуазии в обществе Нового времени были и низшие классы – промышленный пролетариат, крестьянство, люмпен-пролетариат, которые там даже составляли большинство. Они мало что выиграли от смены власти, более того, для многих из них смена режима с аристократического на буржуазный означала еще более тяжелую изнурительную эксплуатацию; сравним трудную, но привычную для него жизнь патриархального крестьянина в обществах Старого Порядка, где крестьянин был членом общины и пользовался ее помощью и жизнь его потомка, выдвинутого в город, лишенного всякой помощи и всяких прав, работающего на капиталиста по 16-18 часов в сутки.

Восстания этих низших классов буржуазия XVII-XIX вв. боялась больше всего, и поэтому ей нужен был институт политического управления, который исключил бы влияние на политику представителей малоимущего большинства. Таковой и стала либеральная парламентская демократия. Один из ее идеологов английский философ Джон Локк прямо называл ее «демократией налогоплательщиков» или «республикой собственников» и утверждал, что люди объединяются в гражданское сообщество и подчиняются правительству на основе общественного договора главным образом для сохранения собственности. Правда, под собственностью он понимал совокупность трех факторов - жизни человека, его свобод и имущества и денег.

Таким образом, люди для него разделялись на бедняков, чья собственность - лишь их жизнь и свобода, и на богатых, которые имеют вдобавок к жизни и правам еще и деньги и имущество. Государство защищает собственность и тех, и других, поскольку главная его задача – утверждение общественного блага, но для одних – это просто защита их жизни, для других – еще и защита их богатств. Однако богатые, по мнению Локка, являются «более ответственными гражданами», поскольку не нуждаясь в средстве, якобы являются более самостоятельными и независимыми. Они по Локку ближе к идеалу самодостаточного и свободного индивида, который по доктрине либерализма является основой гражданского общества...

Так же считали и лидеры французской революции, которой так любят восторгаться и называть великой, забывая тонкое замечание И.В. Сталина, что она прежде всего была буржуазной, а уж потом великой. Вожди революции считали, что наделение бедняков избирательными правами невозможно, потому что они могут ими воспользоваться для того, чтоб отобрать собственность у тех, кто ее имеет!

В Декларации прав и свобод гражданина 1789 года и Французской Конституции 1791 года, которые считаются величайшими достижениями французской революции, собственность объявлялась священной и неотчуждаемой, а граждане делились на активных, обладающих избирательным правом и пассивных, лишенных его на основе имущественного ценза.

Вообще практически все ранние западные демократии были буржуазными в прямом смысле слова, политическими правами там обладали лишь буржуа и обуржуазившиеся аристократы, то есть люди, обладающие значительной собственностью или денежными капиталами («прошедшими имущественный ценз»).

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Бедняки на совершенно законных основаниях были отстранены от участия в управлении обществом, они не могли ходить на выборы, избирать или быть избранными, а до XIX века не могли даже создавать легальные политические партии и профсоюзы. В XIX веке практически все «демократические» государства Запады были «цензовыми демократиями». В Англии того периода лишь 7% граждан имели избирательные права (избирательных прав были лишены не только бедняки, но и женщины). Всеобщее избирательное право для всех мужчин независимо от их имущественного положения и других факторов в Великобритании было введено лишь в 1918 году, в Италии – в 1946, в Японии – в 1948, а в Австралии – в 1949. В некоторых штатах США своеобразный имущественный ценз — избирательный налог — был отменен лишь в 1961 г.

Когда Маркс и Энгельс писали в «Манифесте коммунистической партии» о том, что «пролетарии не имеют Отечества» они имели еще в виду и то, что пролетарии как неимущие не были членами политической нации, на территории которой проживали, они не были полноправными гражданами того государства, в котором родились.

Возникшее в XIX веке рабочее и левое движение поэтому поставило первой своей целью достижение всеобщего избирательного права и мы видим с каким большим трудом и через какой значительный срок оно его добилось. Однако легализация рабочих партий и приход их представителей в парламенты так и не сделал буржуазную демократию общенародной. Когда лейбористы, социал-демократы, левоцентристы, социалисты и даже некоторые западные коммунисты попали в парламенты, ландстаги, конгрессы, конвенты, они постепенно превратились в часть истеблишмента и их политика стала все больше и больше отрываться от настроений масс, представителями которых они сначала себя провозглашали.

Уже Ленин объявил лидеров Второго Интернационала предателями рабочего дела. А когда сейчас вспоминаешь, что английские лейбористы считались рабочей партией, то это может вызвать лишь улыбку. Личное состояние влиятельного лидера современных лейбористов Энтони Блейера, например, составляет от 20 до 50 миллионов евро. Неплохо для «рабочего вожака», не правда ли? Конечно, современные буржуазные режимы дали народу широкий спектр социальных благ и гарантий, формальные политические права, но - и не более того. Соучаствовать в управлении государством народу не разрешили.

3. Дело в том, что как уже говорилось, машина либеральной демократии сконструирована так, что все равно эта демократия будет служить интересам самых богатых, то есть буржуазии. Пускай сегодня демократии Запады уже не являются цензовыми и бедняки могут участвовать в голосовании. Но кроме пассивного избирательного права существует еще и активное. Иными словами, граждане могут не только избирать, но и могут быть избранными и понятно, что только в последнем

случае, когда они сами войдут в состав парламента, они имеют возможность реально повлиять на политическую ситуацию. Однако можно ли считать, что бедняки равны с богатыми в реализации активного избирательного права? Ответ очевиден. Сегодня в большинстве стран мира, в отличие от Англии двухвековой давности, не нужно платить, чтоб проголосовать (впрочем, в ряде западных стран пассивного избирательного права до сих пор лишаются банкроты и несостоятельные должники, то есть налицо дискриминация по имущественному признаку). Но зато нужны деньги, чтобы выдвинуть свою кандидатуру. И очень большие деньги, чтобы выиграть избирательную кампанию.

Во многих странах Запады (и в России до 2009 года) уже при регистрации кандидат должен перевести на счет избирательной комиссии избирательный залог – денежную сумму которую ему не вернуть, если он соберет минимальное число голосов (в России после 2009 года вместо избирательного залога кандидат представляет определенное количество подписей своих сторонников, но для этого, понятно, нужно оплатить труд сборщиков подписей и эти деньги кандидату уже никогда не вернутся даже если он победит).

В Великобритании эта сумма составляет 500 фунтов стерлингов (около 700 долларов США). В США он зависит от штата, к примеру, в Калифорнии это 2% (на выборах в Сенат) либо 1% (на выборах в Палату Представителей) от совокупного дохода кандидата за последний перед выборами год; при этом избирательный залог не возвращается.

Но, конечно, это только начало. Избирательная кампания, как мы говорили, – очень дорогостоящее предприятие. Нужно оплачивать расходы на транспорт, расходы штаба, размещение рекламы (особенно дорогая реклама на ТВ), пропагандистские мероприятия. Конечно, существуют законные ограничения размеров избирательного фонда; так, в США предвыборный фонд кандидата на пост президента не должен превышать 20 млн. долларов.

Но в жизни всегда есть возможность обойти узкие рамки закона. Реально американские политики тратят гораздо больше. Расходы на президентскую избирательную кампанию в США в 1996 г. составили 1,2 млрд. долларов, из них более 800 млн. долларов – расходы партий и групп содействия. Дело в том, что ограничения на предвыборный фонд партии, поддерживающей определенного кандидата, в законе отсутствуют, поэтому суммы, превышающие заданную законом границу, списываются как партийные средства. Фактически в странах либеральной западной демократии на законной основе ограничено активное избирательное право и возможность вступить в предвыборную гонку и победить в ней имеют лишь те, кто располагают большими средствами, то есть сами являются богатыми людьми, либо представляют собой ставленников определенной финансово-экономической группировки.

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Не случайно в современном конгрессе США около половины его членов - миллионеры, хотя в целом по стране миллионеры составляют лишь 1% населения. Прошли и те времена, когда президентами США становятся лесорубы; в 1960 году 35-м президентом США стал Джон Фицджеральд Кеннеди, а министром юстиции в его правительстве – его брат, Роберт Кеннеди – представители олигархической династии, основанной банкиром Патриком Кеннеди, их дедом. В конце XX века на эту должность дважды были избраны представители клана Бушей – Джордж Герберт Уокер (старший) и Джордж Уокер (младший), сын и внук крупного банкира Прескотта Буша, который прославился финансированием немецких нацистов. Теперь Буши занимаются и весьма успешно нефтяным бизнесом, приносящим им многомиллионные доходы. А ведь мы еще не учитываем институт лоббизма – полузаконного отстаивания своих интересов крупными финансовыми группами через своих депутатов, министров и т.д.

То же касается и других либеральных «свобод». Скажем, свобода слова приобретает реальную значимость только тогда, когда есть деньги, чтоб создать газету с большим тиражом, крупную радиостанцию, телеканал, понятно, это не по карману малоимущим и даже их политическим организациям. Поэтому в реальности свобода слова в демократических странах – это свобода крупных контролируемых олигархическими буржуазными группировками СМИ манипулировать мнением общества.

Разумеется, существуют и другие небуржуазные СМИ, но это малотиражные газеты, малоизвестные интернет-сайты и степень их влияния на общество минимальна. Фактически строй, который рекомендует себя как демократия, является скрытой формой плутократии. Реальной властью в государствах Запада является финансовая элита, которая принимает важнейшие решения по всем вопросам внешней и внутренней политики. Публичные политики могут меняться, к власти приходиться то одна партия, то другая, истинные властители остаются теми же самыми. Это главы крупных национальных компаний и банков, транснациональных корпораций, члены закрытых клубов вроде Бейдельбергского. Институты демократии являются лишь их орудиями.

4. Вернемся к современной России. Наши либералы требуют свободы слова и «настоящей демократии» и эти их требования зачастую повторяют молодые «горячие головы» из лево-патриотической оппозиции. Однако возврат парламентской демократии, которая у нас уже была в начале 1990-х, означает не что иное как приход к власти буржуазно-олигархических группировок, которые были поставлены под определенный контроль режимом Путина. Свободные выборы и свобода слова, о которых твердят Каспаров и Немцов станут свободой Гусинским и Ходарковским через свои «ручные» СМИ дурить простых избирателей и проводить в парламент своих ставленников, свободой Шендеровичам и Киселевым обливать грязью левых патриотов, чем они с удовольствием занимались в 1990-е. Нужно ли это левым патриотам?

Либеральная демократия, как было сказано – не что иное как инструмент, при помощи которого богатые конвертируют свою экономическую силу в политическую власть. Называясь демократией, в реальности она есть власть богатого меньшинства над бедным большинством.

«Но какова же альтернатива?» - спросит читатель. Выбор ведь между путинским авторитаризмом и олигархической демократией, но ни то, ни другое не вызывает у нас симпатии. При этом не замечается настоящая альтернатива, которую воплощало собой политическое устройство Советского Союза и стран соцлагеря. Это не что иное как прямая, советская демократия на местах и вертикаль власти народной партии. Буржуазная демократия на местах – в районе, городе, микрорайоне есть не что иное как власть чиновников (администраций), которых не выбирало население города, района и микрорайона и которые назначены «сверху» - губернатором, правительством, президентом.

Но кто, кроме самих людей, живущих на определенной территории, знает их собственные нужды и не самим ли этим людям и управлять тем населенным пунктом или его частью, где они живут? В этом и была суть власти Советов, про которую у нас сегодня подзабыли даже сторонники советской цивилизации. Это и есть настоящая власть народа, а не власть богачей, прикрывающихся именем народа. Но Советы разбросаны по стране, локальны и могут заниматься лишь вопросами местного самоуправления. Нужна еще и центральная власть, которая решала бы общегосударственные вопросы и в то

же время координировала работу всех Советов. Историческое развитие СССР стихийно выработало форму такой центральной власти – власть народной партии. Не партии чиновничества, как «Единая Россия», а именно партии народа, куда входят представители всех слоев общества (кроме разве что заключенных и диссидентов) и через которую все социальные группы могут согласовывать и защищать свои интересы.

Такой партией у нас была КПСС. Ее демократичность состояла в том, что она была своеобразным «лифтом», который мог поднять человека, если у того есть соответствующие способности, на самый верх, так что элита Советского Союза, действительно была народной, то есть состояла из выходцев из народа (правда, не будем скрывать, после Сталина часть этой элиты постепенно стала отрывать от народа и в перестройку окончательно противооставила себя народу). Был и другой канал обратной связи между государством и народом. Всякий, недовольный тем, что происходит у него на предприятии, во дворе, а то и шире – в жизни общества мог написать письмо в газету, жалобу в высокую организацию – вплоть до ЦК КПСС.

Люди, жившие в СССР, подтвердят – это было гораздо эффективнее, чем либерально-демократические механизмы обратной связи. Редко когда такие «сигналы» (как тогда выражались) оставались без ответа. Газетная статья становилась причиной того, что ситуацией заинтересовывались репрессивные органы и например, в колхоз, о беспорядках в котором повествовало письмо, обязательно приезжала проверка.

Уважение к печатному слову было очень велико и не шло ни в какое сравнение с современным отношением к газетным и журнальным разоблачениям, когда журналисты могут писать что угодно – все равно власть на это не обратит внимание. Хваленая буржуазная свобода слова девальвирует значение слова и от того, что каждый может говорить что угодно, обществу нет никакой пользы. Это не говоря уже о том, что, как упоминалось, «социальные лифты» КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС работали исправно, директором завода становился тот, кто начинал на этом заводе рабочим, секретарем обкома партии – бывший агроном. Советские руководители, в отличие от американских конгрессменов-миллионеров, и так по своему опыту хорошо знали жизнь народа.

Да, в СССР не было парламента. Но он и не был нужен: партия сама была своеобразным органом народного представительства, причем, состояла она не из состоятельных юристов и бизнесменов, которые только формально представляют народ, но к нему не принадлежат и его нуждами не живут, как западные парламенты, нет, она состояла из выходцев из этих социальных слоев, помнящих и хорошо знающих их нужды.

Да, в СССР не было свободы слова, свободы собраний и т.д. Но они и не были нужны. То, чего на Западе добиваются при помощи забастовок, акций протеста, митингов, вступая в открытый конфликт с властью, советские люди добивались при помощи писем в газеты и высокие инстанции, народных наказов на партсъездах и партконференциях и т.д. и т.п. Свобода высказывать свое мнение была, как видим, и у советских людей, но эта свобода предоставлялась для того, чтоб достичь общего блага, а не для того, чтоб очередной интеллигент-вита мог потрепаться вволю. И если государство и партия давали кому-нибудь возможность высказать мнение, то можно было не сомневаться – это мнению будет услышано и вероятнее всего учтено...

В СССР наличествовала не буржуазная свобода от – право на независимость от общества, уход в частную жизнь, а социалистическая свобода для – право на то, чтоб внести свою лепту в общее дело. Понимаю, что некоторым сложно все это понять.

Мы теперь живем в обществе, где нет общей цели, объединяющей всех идеи, трудового энтузиазма, в обществе, где каждый сам за себя, поэтому современным россиянам иногда и не верится, что есть какая-либо иная свобода кроме либеральной – свободы от общества, как раз и ведущей к власти богатых, потому что при капитализме по настоящему независим тот, у кого больше всего денег.

Но мы, левые патриоты, должны помнить, что бывает и другое общество, где властвуют не те, кто изловчился заиметь больше денег, а те, кто служит обществу, где свобода – не орудие плутократов, а инструмент улучшения жизни большинства. Такой строй называется социализм и в нем не место буржуазной демократии. ▲